

До тех пор, пока стражники не увели двух мошенников, Цинь Ся так и не смог до конца понять, кем именно были эти крепкие, громогласные мужчины. Разве только их зовут не Лэй Фэн*...

(ПП: Лэй Фэн был солдатом Народно-освободительной армии Китая, стал революционным символом и образцом для подражания для членов партии)

Он сказал Юй Цзюцюэ пару слов, попросив того заглянуть в задний двор к семье Син, ведь шум, поднявшийся в зале, наверняка дошёл и до них. Нужно было объяснить ситуацию, чтобы они не беспокоились. Сам же он взял ещё один кувшин вина и направился к последним оставшимся в заведении гостям.

— Благодарю за помощь. Позвольте мне угостить вас этим вином и всей трапезой в знак признательности.

С первого взгляда было понятно, что эти люди — настоящие воины. Не просто крепкие парни, а те, кто действительно владеет боевыми искусствами. С такими лучше не конфликтовать, а ещё лучше — быть у них в долгу. Пара блюд, одна выпивка — сущая мелочь по сравнению с возможными выгодами от хорошего расположения таких людей.

Без лишних церемоний, Цинь Ся сел с ними за стол, наполнил чаши вином и молча выпил залпом, выражая уважение. Это сразу растопило лед между ними: вскоре его уже вовсю уговаривали остаться, громко беседовали, смеялись и, наконец, рассказали, кто они такие.

Оказалось, что это пятеро побратимов, некогда воевавших вместе. Главу звали Бао Чунь, его остальные называли дагэ (большим братом). Все пятеро были бывшими солдатами.

— В последние годы на границе спокойно, кочевники давно не нападали, а содержать армию дорого. Вот и вышел указ о сокращении избыточных войск, — сказал один из них, со злостью бросая кусок мяса в рот.

Затея сама по себе неплохая, но в процессе, как всегда, нашлись те, кто воспользовался ситуацией.

— Бао-дагэ был не последним человеком в войске, и мы тоже не простые солдаты. За нашими плечами настоящие боевые заслуги. Но стоило приказу выйти, и что? У кого были деньги, те остались, а нас отправили восвояси, будто псов.

Говоривший мрачно осушил чашу и передал слово другому.

— Мы все родом из деревень Цинаньского уезда. Когда вернулись, родные, конечно, были счастливы. Они ведь уже и не надеялись, что мы живы. Но по прошествии времени всё стало совсем не так радужно...

Всё просто. В армию они шли деревенскими парнями, но вернулись оттуда совсем другими людьми. Пахари, испытавшие ужасы войны, пролившие кровь и привыкшие к смерти, уже не могли снова стать обычными крестьянами.

— Мы столько прошли, видели другое, и теперь нас просто заставляют вернуться в поле? Где в этом перспектива?! — говорил он с горечью. — Но и это не самое страшное... Даже жён нам не найти!

Последние слова прозвучали с неподдельным возмущением и обидой.

Цинь Ся нахмурился.

— Но почему? Все вы выглядите статно, сложены крепко, к тому же мастера в боевых искусствах. В деревне именно такие мужчины — самые завидные женихи.

Казалось бы, такие должны разлетаться, как горячие пирожки.

Бородатый воин, больше всех склонный к разговорам, горько вздохнул:

— А ты думаешь, почему? Староваты, бедны, да и перспектив нет.

Цинь Ся и сам мог бы закончить за него: у кого есть выбор, тот выберет кого-то помоложе, а если уж брать мужа в возрасте, так хотя бы побогаче. В конце концов, в Даюне за призыв в армию всегда можно было заплатить, чтобы остаться дома. А значит, на войну шли только те, кто не мог собрать нужной суммы. В таких семьях даже потеря одного работающего мужчины означала, что жить становилось гораздо труднее. Три года спустя они стали ещё беднее.

Цинь Ся почувствовал горечь и молча разлил ещё по чаше вина. Солдаты привыкли пить, и он не боялся, что эти люди напьются до буйства.

Разговор продолжался.

Убедившись, что работа в поле не сулит им ничего, эти бывшие братья по оружию, сперва разъехавшиеся по родным деревням, вновь собрались по зову Бао Чуня и решили попытать счастья в городе.

— У нас за душой ничего нет, кроме умения драться и устрашающего вида. Сейчас мы работаем в одном из охранных агентств. Каждое сопровождение каравана приносит немного серебра: хватает и на еду, и на выпивку, и на то, чтобы отправить родным. Говорят, что быть телохранителем — это ходить с головой, завязанной на поясе, но после войны нас этим не испугать. Что нам какие-то разбойники? Разве они страшнее врага на поле боя?

Что же до того, почему они так решительно вмешались в разборку с двумя мошенниками, то объяснение дал бородатый Да Куй.

— А просто терпеть не можем такую мразь! Только представьте: мы воевали, проливали кровь, рисковали жизнями ради этих людей... а среди них есть такие, как эти двое! От одной мысли злость берёт!

Говоря это, он постепенно начинал заводиться, но тут Бао Чунь метнул в него строгий взгляд, и Да Куй сразу же умолк.

Цинь Ся, немного помедлив, окликнул Цю Яо, которая как раз убирала со столов, и попросил принести ещё закуски.

— Босс Цинь, — тут же возразил Бао Чунь, — Мы не ради угощения вмешались. Больше заказывать не стоит.

Цинь Ся отмахнулся:

— Пара простых блюд — пустяк.

Он испытывал искреннее уважение к этим людям. Многие солдаты после возвращения домой превращались в грубых, нахрапистых увальней, но эти пятеро держались достойно, несмотря на все тяготы. Они действительно были людьми чести.

Спустя несколько минут вернулась не Цю Яо, а Чжуан Син. Он принёс тарелку с красным маслом-чили и ферментированным тофу и блюдо хрустящего жареного арахиса.

Чжуан Син ещё не был замужем. Хотя он и немолод, он не носил причёску, традиционную для замужних геров. Как только он вошёл, двое мужчин за столом невольно проследили за ним взглядом. Но тот, сохраняя полное хладнокровие, просто поставил тарелки на стол, почтительно поклонился и спокойно удалился.

— Прекратите пялиться, — резко бросил Бао Чунь.

Да Куй и ещё один из воинов, пойманные с поличным, смущённо отвели глаза. Один поспешил потёреть нос, другой нервно почесал щеку.

Бао Чунь поднял чашу, глядя на Цинь Ся.

— Простите за неучтивость.

Цинь Ся ответил таким же жестом, но не стал ничего говорить. Это касалось самого Син-гера, и вмешиваться в такие дела он не имел права.

Потягивая вино под нехитрые закуски, они молча выпили ещё по чаше. Мужчины похвалили Цинь Ся за хороший аппетит и умение пить, но он заметил, что за их видимой бравадой скрывалась мрачность. Хоть они и не нуждались в деньгах, на лицах каждого читалось разочарование и тяжёлые думы.

Как и следовало ожидать, после нескольких чашек вина Да Куй начал говорить то, что у него на душе. Он и остальные были возмущены тем, как обращаются с Бао Чунем. По их мнению, тот давно заслужил повышение с обычного сопровождающего до главы охраны, но владелец охранного агентства всячески этому препятствовал.

— Всё из-за того, что этот подхалим, другой глава охраны, вечно с ним соперничает! А ведь он всего лишь родственник хозяина, на деле его боевое мастерство — жалкое зрелище!

Эти люди, успевшие на своём веку столкнуться с несправедливостью, просто ненавидели такие ситуации. Однако сейчас, как и тогда, они ничего не могли сделать.

Цинь Ся молча слушал их, а затем внезапно высказал мысль, крутившуюся у него в голове:

— А вы никогда не думали открыть собственное дело?

— Собственное дело? — переспросил один из воинов, сидевший рядом с ним. Он усмехнулся и покачал головой. — Чем нам заняться? У нас нет ни денег, ни связей. Мы ведь даже не купцы, что нам в городе делать?

— Конечно, торговля не ваш конёк, но ведь боевые навыки можно применить не только в охране караванов. Почему бы вам не попробовать открыть... дахан?

Это занятие появилось в Даюне сравнительно недавно, но быстро набрало популярность.

Если человек хотел выбить долг, отомстить кому-то или проучить неприятеля, которого нельзя было привлечь к суду, он мог заплатить дахану и нанять бойцов. Эти люди работали профессионально, отлично знали меру и никогда не доводили дело до вмешательства властей. Самым распространённым методом было выловить жертву на безлюдной дороге, натянуть ей на голову мешок и хорошенько проучить. Вроде бы незаконное дело, но раз чиновники не обращали на это внимания, а народ не осуждал, значит, занятие вполне себе процветало.

Однако Бао Чунь с отвращением скривился:

— Это удел бандитов.

В его голосе звучало откровенное презрение. Но Цинь Ся так не считал. В конце концов, даже в его прошлой жизни существовали цивилизованные коллекторы, и их работа была вполне легальной. Что уж говорить про Даюн?

— Бао-дагэ, а вы не задумывались, почему даханов часто называют шайками преступников? Всё потому, что среди них действительно много бывших жуликов и бродяг. Но простым людям всё равно приходится к ним обращаться. Не потому, что они хотят работать с отбросами общества, а потому, что у них просто нет выбора. Если бы подобным делом занялись люди вроде вас, дела пошли бы намного лучше.

Да и кто сказал, что дахан должен заниматься только этим? Цинь Ся вспомнил, как когда-то читал статью о подобных организациях в истории. Они брались не только за выбивание долгов и «наказание негодяев», но и помогали разыскивать потерянных людей, украденных домашних животных, даже выполняли поручения вроде «сопроводить дочь в другой город». Это было что-то вроде «универсального агентства поручений».

— Поиск людей? Это как раз моя специальность, я в армии служил разведчиком! — сразу оживился один из воинов.

— Бао-дагэ, мне кажется, босс Цинь дело говорит. Бить кого-то — это ведь не всегда плохо. Вот представь, какой-нибудь мерзавец пристаёт к порядочной девушке, а мы, по заказу её семьи, отправляемся его проучить. Это ведь даже доброе дело! — подхватил Да Куй.

Кажется, идея начинала им нравиться.

— Да, да, дагэ, помнишь, недавно в нашем бюро одна семья хотела нанять охранников, чтобы сопроводить женщин в храм за городом? За один день предлагали по лянсу серебра на человека, и даже так всё зависело от занятости телохранителей! Теперь мы сможем брать такие заказы сами!

Бао Чунь изначально категорически отвергал мысль о том, чтобы стать наёмным бойцом, но сейчас, размышляя над словами Цинь Ся, вдруг понял: это вовсе не так уж плохо.

Будто туман, застилавший ему путь, рассеялся, и всё сразу стало ясным.

— Босс Цинь, спасибо за совет!

Цинь Ся увидел, что Бао Чунь снова собирается поднять чашу, и тут же почувствовал, как у него пошли мурашки по коже.

— Бао-дагэ, не стоит так благодарить! Я всего лишь высказал свои мысли. Если они вам помогут, это будет лучше всего.

Он действительно считал, что Бао Чунь и его люди достойны лучшего, чем влачить существование в тени других.

За разговорами прошло ещё почти полчаса. На полу под столом ровным рядом стояли три опустошённые глиняных кувшина, а из закусок не осталось даже кинзы из холодной закуски с маринованными свиными ушами.

— Босс Цинь, твои блюда просто божественны! Мы теперь частые гости в твоём заведении!

Даже у самых стойких выпивох голова после такого количества вина слегка кружилась. Бао Чунь был самым трезвым из всех: он собрал товарищей и, придерживая каждого за плечо, вывел их к выходу.

Перед уходом он вежливо поклонился Цинь Ся, и тот ответил тем же жестом. Казалось, что прощание состоялось, но Бао Чунь не ушёл, а задержался, словно хотел сказать что-то ещё. Цинь Ся понял намёк и с готовностью выслушал.

— Босс Цинь, простите за нескромный вопрос... Тот гер, что приносил еду, сколько ему лет? Он уже обручён?

Цинь Ся удивлённо взглянул на Бао Чуня, а тот, словно осознав, как звучит его вопрос, смущённо пояснил:

— Видишь ли, мои братья... Они все холостяки. Я, как старший, не могу смотреть на это спокойно. Если вопрос неудобный, можешь не отвечать.

Цинь Ся задумался и решил сказать лишь то, что мог.

— Син-гер действительно не замужем и, насколько мне известно, не помолвлен. Но, когда он устраивался сюда на работу, сам сказал, что не собирается выходить замуж.

Теперь удивился уже Бао Чунь.

— Почему же?

Цинь Ся не знал, заметили ли они родимое пятно на виске Син-гера.

— Это не мне решать, но если суждено узнать, то судьба сама всё расставит по местам.

Бао Чунь кивнул с понимающим видом.

— Я понял. Спасибо, босс Цинь.

Пятеро мужчин, приобняв друг друга за плечи, скрылись в темноте улицы. Цинь Ся вздохнул, похлопал по горячему лицу и повернулся, но чуть не столкнулся с Юй Цзюцюэ.

Тот молча потянул его за руку к стойке и налил чашку чая.

— Сколько же ты выпил? Я не стал вас беспокоить, раз разговор был таким оживлённым... Кстати, семья Син уже поела и ушла через заднюю дверь.

Цинь Ся осушил половину чашки чая, но алкоголь всё ещё разливался по телу приятным теплом. Поддавшись этому ощущению, он наклонился к Юй Цзюцюэ и удобно устроился, прижавшись к его плечу.

Тот лишь опустил глаза и лёгким движением пальцев провёл по его подбородку.

— Среди бела дня, что ты вытворяешь?

Цинь Ся прищурился, лениво отвечая:

— Я здесь хозяин, кто мне запретит?

Но, несмотря на напускную беспечность, он всё же вкратце пересказал Юй Цзюцюэ разговор с Бао Чунем и его людьми.

Юй Цзюцюэ вдруг понял, что знает о событии трёхлетней давности, когда произошло «сокращение избыточных войск». Скорее всего, это был один из ускользающих от него осколков памяти, оставшихся с дворцовых лет. Однако при Цинь Ся он не подал виду.

Не знал он и того, что Цинь Ся в этот момент думал о нём.

В книге Юй Цзюцюэ, став регентом, действительно ввёл множество подобных реформ, из-за чего его проклинали по всей стране. Не было человека, который бы не бранился на его имя. Он любил власть, был хитер и расчетлив, но в одном ему не откажешь — видя гниль в управлении, он сжигал её с корнем, не заботясь о том, что о нём скажут потомки.

«Я уже обречён на проклятия, так какой мне толк в посмертной славе?»

И, что самое любопытное, даже молодой император в итоге признал, что многие его собственные идеи основаны на наработках этого «великого злодея».

Если бы Юй Цзюцюэ был простым негодяем, его бы не помнили с таким противоречием — и с ненавистью, и с уважением.

Пока мысли Цинь Ся текли в этом русле, вино окончательно взяло своё. Прижавшись к Юй Цзюцюэ, он вскоре задремал, а тот, заботливо вздохнув, отправил его в задний двор — отдохнуть.

Он думал, что поспит недолго, но, когда открыл глаза, за окном уже сгустились сумерки. Цинь Ся сел, помассировал виски и откинул полог. На прикроватном столике стояла чашка с мёдовой водой. Напиток остыл, но в эту пору года был всё ещё приятным.

Осушив чашу, он прочистил горло, обулся и вышел во двор. В кухне и под навесом уже зажгли лампы, Чжуан Син и Чжэн Синьхуа были заняты делами. В воздухе витал странный, но аппетитный аромат.

Он дошёл до кухни как раз вовремя: Юй Цзюцюэ вышел навстречу, держа в руках маленькую чашку. Увидев его, он мягко улыбнулся, поднёс палочки к губам Цинь Ся и предложил попробовать.

— Мы с Сяо Яо днём собрали много цветов магнолии. Сестра Чжэн их зажарила, попробуй, как тебе вкус?

Жареный цветы магнолии □□□□

<http://bllate.org/book/13601/1206061>